

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.31.3.005-013

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАРРАТИВ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ

Скоробогатов Андрей Валерьевич,
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова, доктор
исторических наук, доцент
420101, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 42
av.skorobogatov@mail.ru

© Скоробогатов А. В., 2024

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли литературного нарратива в конструировании и содержании отечественного правового дискурса. На основе коммуникативной методологии рассмотрены ценностные аспекты воздействия произведений художественной литературы на сознание и поведение субъектов права, а также конструирование правовой реальности. Анализ литературного нарратива как совокупности произведений художественной литературы, имеющих бытование в определенном пространственно-временном континууме, позволил сделать вывод, что литературный нарратив одновременно является специфичной формой познания правовой реальности и средством воздействия на сознание и поведение человека в процессе правовой социализации. Из всех социокультурных парадигм, опосредующих восприятие человеком сущности права не только в юридическом, но и в социальном смысле, именно художественная литература занимает наиболее значительное место. Выступая формой коллективного сознания, литературное произведение в процессе правовой коммуникации транслирует информацию о ценностных установках, реализация которых позволит придать правовому поведению адресата целенаправленный характер и обеспечит его идентификацию с сообществом, членом которого он является. Сформированные в отечественных художественных произведениях образы права и правовой реальности являются экспликацией правовых архетипов и транслируют примат ценностного компонента правовой реальности над нормативным.

Ключевые слова: правовой дискурс; правовая реальность; правовая коммуникация; право и литература; литературный нарратив; художественная литература; правовая идентификация; правовая ценность; правовая социализация; интерпретация.

A LITERACY NARRATIVE IN LEGAL DISCOURSE OF RUSSIA

Andrey V. Skorobogatov,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Theory of the State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

av.skorobogatov@mail.ru

Abstract. *The paper elucidates the role of a literacy narrative in the construction and content of domestic legal discourse. On the basis of communicative methodology, the author examines the value aspects of the impact of the fiction on the consciousness and behavior of subjects of law and the construction of legal reality. An analysis of the literacy narrative as a collection of works of fiction having existence in a certain space-time continuum made it possible to conclude that the literary narrative is both a specific form of knowledge of legal reality and a means of influencing human consciousness and behavior in the process of legal socialization. Of all the sociocultural paradigms that mediate a person's perception of the essence of law, not only in the legal, but also in the social sense, it is fiction that occupies the most significant place. Being a form of collective consciousness, a literary work in the process of legal communication broadcasts information about value attitudes, the implementation of which will make it possible to give the addressee's legal behavior a purposeful character and ensure its identification with the community of which he is a member. The images of law and legal reality formed in domestic works of art are an explication of legal archetypes and broadcast the primacy of the value component of legal reality over the normative.*

Keywords: *legal discourse; legal reality; legal communication; law and literature; literary narrative; fiction; legal identification; legal value; legal socialization; interpretation.*

Современная гуманитаристика характеризуется интерпретацией правовой реальности как сложного явления, которое имеет множество различных проявлений. Будучи экспликацией понимания добра и зла, должного и сущего в пределах определенного пространственно-временного континуума, право может проявляться не только в официально закрепленной форме нормативного правового акта, но и существовать в виде невербализованных норм социального и индивидуального права, определяя вектор, содержание и функционирование правовой жизни человека.

Множественность форм существования права в правовой реальности артикулирует полифонизм его интерпретаций, которые варьируются от фактографического подхода эксклюзивного позитивизма до символической экспликации в семиотике права. При этом для постклассической рациональности все интерпретации права и правовой реальности имеют равноценный характер, позволяя не только максимально широко охватить правовое бытие человека, но и вписать его в социальную реальность, объяснить смысл и назначение права для отдельного индивида с учетом интерпретативного потенциала его сознания, детерминированного ценностными установками сообщества, с которым он себя идентифицирует.

Это предполагает необходимость усиления исследовательского внимания к небюрократизированным формам бытия права, отражающим правовую реальность на уровне символов как специфичных культурных кодов социального познания¹. В качестве символического средства экспликации правовой реальности при этом могут использоваться не только визуализированные средства, но и вербальные.

¹ Bittar E. C. B. *Semiotics, Law & Art. Between Theory of Justice and Theory of Law.* Cham : Springer, 2021. P. 51.

Наиболее ярким примером последнего является художественная литература², имеющая бинарное значение в социальной и правовой реальности. С одной стороны, художественное произведение является экспликацией авторской рефлексии правовой реальности, которую он как адресант транслирует в процессе социальной коммуникации. С другой стороны, для читателя художественное произведение выступает в качестве одного из специфичных источников познания этой реальности, оказывая воздействие не только на рефлексивные оценки как на отдельные элементы реальности, так и реальности в целом, но и на конструирование в сознании читателя как адресата коммуникации определенных ценностных установок на совершение действий, которые автор текста считает правомерными, и запрет на неправомерные деяния. При этом автор может выразить свое отношение к правовой реальности как непосредственно, так и опосредованно, вложив определенные правовые идеи в высказывания или действия героев. Однако данные установки не будут абсолютами. Их интерпретация в сознании индивида детерминирована ценностными ориентирами сознания, которые сформированы в процессе правовой социализации и соответствуют системе правовых ценностей социума, с которым он себя идентифицирует. Воздействие произведений художественной литературы на сознание индивида будет тем выше, чем больше степень корреляции ценностных ориентаций автора текста и социального окружения читателя³.

Особенно это актуально для первичной правовой социализации. Однако это предполагает управляемость процесса правовой социализации не только педагогически, но и доктринально, в том числе по отношению к литературному образованию. Элементом управляемости последнего можно считать выбор художественных произведений для изучения в школе, который не столько обусловлен литературным процессом, сколько задачей формирования в сознании подрастающего поколения духовно-нравственных и правовых ценностей, необходимых для адаптации в социуме в определенном пространственно-временном континууме⁴.

Это позволяет говорить о том, что художественная литература не только отражает существующую правовую реальность, но и формируя ценностные установки сознания человека, способствует его адаптации в существующей реальности, а также может влиять на конструирование новой реальности. Последнее будет актуальным, если в художественном произведении представлен образ человека-творца, демиурга, способного своими действиями изменять реальность и творить новую. При чтении такого произведения в сознании адресата формируется парадигма социально активного субъекта — адресанта коммуникации, реализация которой будет методологической основой конструирования реальности⁵.

Если в зарубежной юриспруденции направление «право и литература» уже заняло достойное место не только на уровне академической историографии⁶, но и в учебном процессе⁷, то для России проблема исследования литературной экспликации правовой реальности является относительно новой и пока не институализированной. Лишь в последние годы стали появляться работы, посвященные не только анализу

² Кодан С. В. Художественная литература и история государства и права России: грани взаимодействия // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 34–42.

³ Нейстат А. А. Формирование правосознания и художественная литература в советской России 1917–1929 гг. Уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2000.

⁴ Пашенцев Д. А. Правовые ценности в условиях цифровизации // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сборник научных трудов. М. : Инфра-М, 2020. С. 177–182.

⁵ Лихтер П. Л. Влияние художественной литературы на формирование конституционно-правовых институтов в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3. С. 60–68.

⁶ Posner R. A. Law and Literature. 3rd ed. Cambridge, London : Harvard University Press, 2009.

⁷ См., например: Hutson L. (ed.) The Oxford Handbook of English Law and Literature, 1500–1700. Oxford : Oxford University Press, 2017.

образа права в литературном наследии отдельных авторов⁸, но и направленные на осмысление значимости литературного нарратива для конструирования юридического дискурса и правовой реальности⁹.

При исследовании экспликации правовой реальности в произведениях художественной литературы необходимо учитывать, что речь идет о вторичной интерпретации. Создавая произведение, писатель не стремится к фактографическому отражению социальной реальности, а, выражая свое ценностное отношение к ней, творит специфичное художественное пространство, которое не является и не должно являться адекватным образом социальной реальности. Однако автор не находится в вакууме и не может полностью устраниться от воздействия на его сознание правовой жизни. Это обуславливает, с одной стороны, присутствие в любом художественном произведении явных или скрытых аспектов правовой реальности, а с другой — осуществленная автором феноменологическая редукция реальности детерминирована правовой культурой данного пространственно-временного континуума, а следовательно, выражает интерпретацию права не только отдельного индивида, но и сообщества, с которым он себя идентифицирует. В этом смысле художественное произведение можно рассматривать как символическую репрезентацию двух форм правовой реальности. Во-первых, писатель стремится изложить представления об идеальной реальности, выполняя при этом деонтологическую функцию адресанта правовой коммуникации и стремясь донести до читателя-адресата ценностные установки и этические императивы поведения, необходимые для повышения эффективности функционирования существующей правовой реальности или конструирования новой, более эффективной реальности¹⁰. Во-вторых, в пространстве художественного произведения находят отражение реально существующие правовые явления.

Это позволяет рассматривать художественную литературу как часть правового дискурса. Онтологически художественную литературу можно рассматривать как особую разновидность правосознания, характеризующуюся неинституциональностью, национальностью¹¹, историзмом и символизмом. При этом право и литература пересекаются не только содержательно, но и функционально, оказывая воздействие на поведение человека¹². Гносеологически художественная литература выступает одним из способов познания правовой реальности, характеризующимся феноменологической редукцией правового бытия человека в пределах пространственно-временного континуума. Аксиологически художественная литература является средством не только оценки содержания, развития и функционирования правовой реальности, но и формирования в сознании читателя ценностных ориентаций, необходимых для адаптации в правовой реальности.

Последний аспект в коммуникативном контексте может быть представлен в двух формах: 1) информация о правовых ценностях, которые автор-адресант транслирует читателю-адресату, стремясь сформировать в его сознании этический императив поведения, соответствующий ценностным ориентациям сообщества, с которым себя идентифицируют и автор, и читатель (прежде всего речь при этом идет о воздействии на формирование общественного правосознания в процессе правовой социализации); 2) информация о содержании, формах и последствиях конфликтов правовых

⁸ См., например: *Харабет К. В.* Девиантность и социально-правовая тематика в творчестве и жизни поэтов Серебряного века (М. Цветаева, С. Есенин, В. Маяковский) // *Российская юстиция*. 2020. № 1. С. 40–44.

⁹ *Исаев И. А.* Мифологемы закона: право и литература. М.: Проспект, 2021.

¹⁰ *Smith C.* Who Wouldn't Want to Be a Person? *Histories of the Present in Law and Literature* // Anker E. S., Meyler B. (eds.) *New Directions in Law and Literature*. New York: Oxford University Press, 2017. P. 51.

¹¹ Национальность в данном случае понимается не этнически, а политически (см. подробнее: *Anderson B.* *Imagined. Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Rev. ed. London, New York: Verso, 2006).

¹² *Miller J.* *The Structures of Law and Literature: Duty, Justice, and Evil in the Cultural Imagination*. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2013. P. 13.

ценностей, обусловленных различием в ценностных установках субъектов (большое внимание при этом уделяется как внутренней борьбе человека с господствующей системой ценностей, так и формированию установки на приоритет социальных ценностей над индивидуальными как средстве социальной адаптации индивида). Однако адресат способен воспринимать транслируемую информацию критически, подвергая ее ценностной рефлексии на основании индивидуального и социального правового опыта. Именно последний аспект и будет окончательным этапом аксиологического воздействия на правосознание и правовое поведение человека.

Анализ произведений художественной литературы XVIII — начала XXI в., написанных российскими авторами, показывает, что мейнстримом в интерпретации правовой реальности является конструирование сюжетов как форм экспликации правовых фактов в динамике таким образом, чтобы дать читателю набор позитивных правовых образов и идеальных вариантов правового поведения (с учетом ценностной их мотивации), соответствующих правовым архетипам (а в трансгрессивном обществе и кенотипам). Зачастую произведения, являющиеся маргинальными в определенном пространственно-временном континууме, при ретроспективном к ним отношении могут вписываться в мейнстрим. Примером может служить «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, которое изучалось в советской школе не столько в литературном контексте, сколько в идеологическом, соответствуя архетипу справедливости и ориентируя подрастающее поколение на защиту «слабых и обиженных»¹³. Это позволяет активно использовать художественную литературу в правовой социализации, но тогда должен быть решен вопрос, в каком порядке необходимо изучать отдельные произведения, чтобы получить максимально возможный аксиологический эффект.

Сравнительный анализ сюжетов художественных произведений, связанных с правовой проблематикой не только непосредственно (прежде всего детективного жанра), но и опосредованно (присутствие в тексте деяний и фактов, связанных с правовым бытием человека), позволяет утверждать, что, конструируя сюжет, автор стремится передать читателю информацию о правовом идеале, господствующем в данном обществе, но не обязательно совпадающем с официальным правом. Так, являющийся поборником справедливости Дубровский в одноименной повести А. С. Пушкина с позиций законодательства считается преступником.

Конструируя правовую реальность художественного произведения, автор стремится к модальности положительных литературных образов. Это не только отражает особенности художественной литературы как специфичной формы не столько индивидуального, сколько коллективного сознания¹⁴, но и позволяет отразить деонтологический характер действующего права¹⁵. В то же время образ правовой реальности, сконструированный в художественном произведении, имеет узнаваемый характер, соответствуя феноменологической природе права, что позволяет читателю, уподобляя себя литературному герою, ментально совершать действия, необходимые для воспроизводства правовой реальности. Тем самым в сознании читателя формируется соответствующая ценностная установка, апробированная литературно-правовым опытом. При этом он конструирует собственный стереотип правового поведения как реакцию на определенные внешние раздражители. Реализация этих стереотипов в правовом поведении позволяет придать последнему целенаправленный характер и поднять его до уровня социально активного.

¹³ Костин А. А. А. Н. Радищев в советской школе // Учебный текст в советской школе : сборник статей / сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. СПб., М. : Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 10–25.

¹⁴ Песоцкий В. А. Содержание и сущность художественной литературы: опыт философского анализа // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. Вып. 2. С. 88–107.

¹⁵ Максимов С. И. Концепция правовой реальности // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016. С. 49–50.

Несмотря на различия в правовых сюжетах российской литературы на протяжении последних двух столетий, общая символика приоритета ценностного, нравственного компонента над формальным правом присутствует в качестве константы. Это обуславливает, во-первых, переиздание произведений не только российских и советских классиков, но и писателей не столь известных, например И. И. Лажечникова и В. В. Крестовского. Во-вторых, получило широкое распространение обращение к историко-правовым сюжетам современных авторов, среди которых в первую очередь следует назвать Б. Акунина. В-третьих, этот сюжет активно осваивается фантастической литературой, особенно в жанре героического фэнтези, где большое внимание уделяется нравственному аспекту поведения героев. Примером могут служить работы Н. Пурумова, М. Семенович и В. Камши. Главным при этом становится использование аксиологического потенциала сконструированного образа правовой реальности для оценки действий как персонажей художественного произведения, так и окружающих читателя лиц в современной ему действительности. Чем более талантливым является писатель, тем значительнее аксиологический эффект его произведений не только в определенном пространственно-временном континууме, но и в глобальной перспективе, в том числе и при формировании внешней оценки национального правосознания. Примером может служить неослабевающий интерес зарубежных ученых к творчеству Ф. М. Достоевского при анализе особенностей российской ментальности¹⁶.

Специфика художественной литературы как формы общественного сознания предполагает, что сконструированный в ней образ правовой реальности не является простым отражением существующей действительности. Речь идет о принципиально ином мире текста, который может быть интерпретирован герменевтически¹⁷. Многоуровневость и многокомпонентность правовой реальности проявляется в художественном произведении в виде смысловых уровней познания и оценки текста, включая экспликацию правовой реальности:

- художественный образ правовой реальности, сконструированный в тексте;
- социальное содержание правовых явлений, побудившее автора к написанию текста;
- философско-правовая идея, сторонником которой является автор и которую он стремится донести до читателя.

Именно последний аспект имеет наиболее существенное значение для развития правовой культуры как отдельного читателя, так и общества в целом. Художественная литература при этом имеет бинарный характер. С одной стороны, она является результатом рефлексии правовой реальности. С другой стороны, использование художественных произведений в процессе правовой социализации предполагает восприятие ее в качестве одной из форм познания правовой реальности¹⁸.

По признаку профессиональной принадлежности ее носителей художественная литература как форма общественного и правового сознания не является ни научной, ни обыденной, ни профессиональной. Во-первых, она отражает правовую реальность не в рациональных, а в чувственно-эмоциональных формах. Во-вторых, она формируется не стихийно, а целенаправленно, являясь следствием целенаправленной творческой активности писателя. В-третьих, хотя в произведениях художественной литературы выражен личный и социальный правовой опыт писателя, который может носить профессиональный характер, конструируемый им образ ориентирован на восприятие читателем, имеющим принципиально иной правовой опыт. Следовательно, восприятие образа правовой реальности в качестве ценностного ориентира

¹⁶ Ronner A. D. Dostoevsky and the Law. Durham : Carolina Academic Press, 2015.

¹⁷ Ульмер (Байтеева) М. В. Глава 1. Онтология правового текста // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. С. 26.

¹⁸ Тимофеева А. А. Русская художественная литература как компонент повышения профессиональной правовой культуры юристов // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 311–313.

правосознания при чтении художественной литературы будет детерминировано не столько авторской позицией и адекватностью его образа реальности, сколько особенностями деконструкции этого образа читателем. Последний, руководствуясь собственным правовым опытом, проводит феноменологическую редукцию образа права с целью выявления тех элементов, которые непротиворечиво коррелируют со сформированным в его сознании образом правовой реальности, в том числе существующей в ином пространственно-временном континууме. При этом необходимо учитывать, что данный образ, хотя и опосредован правовым опытом читателя, но детерминируется системой правовых ценностей, господствующей в социуме, с которым он себя идентифицирует.

Литературный нарратив как совокупность произведений художественной литературы, хотя и созданных в разное время, но имеющих бытование в определенном пространственно-временном континууме, является специфичной формой познания правовой реальности и одновременно средством воздействия на сознание и поведение человека в процессе правовой социализации, целью которого является конструирование правовой реальности. Из всех социокультурных парадигм, опосредующих восприятие человеком сущности права не только в юридическом, но и в социальном смысле, именно художественная литература занимает наиболее значительное место. Выступая формой коллективного сознания, литературное произведение в процессе правовой коммуникации транслирует информацию о ценностных установках, реализация которых позволит придать правовому поведению адресата целенаправленный характер и обеспечит его идентификацию с сообществом, членом которого он является, наряду с автором произведения. Сформированные в отечественных художественных произведениях образы права и правовой реальности являются экспликацией правовых архетипов и транслируют примат ценностного компонента правовой реальности над нормативным. Это обуславливает необходимость тщательного отбора художественных произведений, используемых в процессе социализации, с учетом не только культурного, но и правового воздействия литературы на сознание человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исаев И. А.* Мифологемы закона: право и литература. — М. : Проспект, 2021. — 304 с.
2. *Кодан С. В.* Художественная литература и история государства и права России: грани взаимодействия // Российский юридический журнал. — 2015. — № 6. — С. 34–42.
3. *Костин А. А.* А. Н. Радищев в советской школе // Учебный текст в советской школе : сборник статей / сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. — СПб., М. : Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. — С. 10–25.
4. *Лихтер П. Л.* Влияние художественной литературы на формирование конституционно-правовых институтов в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. — 2016. — № 3. — С. 60–68.
5. *Максимов С. И.* Концепция правовой реальности // Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. — СПб. : Алетейя, 2016. — С. 49–50.
6. *Нейстат А. А.* Формирование правосознания и художественная литература в советской России 1917–1929 гг. Уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. — М. : [б. и.], 2000. — 24 с.
7. *Пашенцев Д. А.* Правовые ценности в условиях цифровизации // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сборник научных трудов. — М. : Инфра-М, 2020. — С. 177–182.
8. *Песоцкий В. А.* Содержание и сущность художественной литературы: опыт философского анализа // Вестник Московского государственного областного университета. — 2010. — Вып. 2. — С. 88–107.

9. Тимофеева А. А. Русская художественная литература как компонент повышения профессиональной правовой культуры юристов // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 3 (24). — С. 311–313.
10. Ульмер (Байтеева) М. В. Глава 1. Онтология правового текста // Парадигмы юридической герменевтики : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. — СПб. : Алетейя, 2017. — С. 13–26.
11. Харабет К. В. Девиантность и социально-правовая тематика в творчестве и жизни поэтов Серебряного века (М. Цветаева, С. Есенин, В. Маяковский) // Российская юстиция. — 2020. — № 1. — С. 40–44.
12. Anderson B. Imagined. Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. — Rev. ed. — London, New York : Verso, 2006. — xvi, 240 p.
13. Bittar E. C. B. Semiotics, Law & Art. Between Theory of Justice and Theory of Law. — Cham : Springer, 2021. — xiv, 216 p.
14. Hutson L. (ed.) The Oxford Handbook of English Law and Literature, 1500–1700. — Oxford : Oxford University Press, 2017. — xxiii, 801 p.
15. Miller J. The Structures of Law and Literature: Duty, Justice, and Evil in the Cultural Imagination. — Montreal, Kingston : McGill-Queen's University Press, 2013. — xii, 242 p.
16. Posner R. A. Law and Literature. — 3rd ed. — Cambridge, London : Harvard University Press, 2009. — xviii, 570 p.
17. Ronner A. D. Dostoevsky and the Law. — Durham : Carolina Academic Press, 2015. — xiv, 308 p.
18. Smith C. Who Wouldn't Want to Be a Person? Histories of the Present in Law and Literature // Anker E. S., Meyler B. (eds.) New Directions in Law and Literature. — New York : Oxford University Press, 2017. — P. 46–58.

REFERENCES

1. Isaev IA. Mythologies of the law: Law and literature. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
2. Kodan SV. Fiction and History of Russian State and Law: The Touch Points. *Russian Juridical Journal*. 2015;6:34-42. (In Russ.).
3. Kostin AA. A. N. Radishchev in a Soviet school. In: Leontyev SG, Maslinskiy KA (eds.). Educational text in a Soviet school: Collection of articles. St. Petersburg, Moscow: Institute of Logic, Cognitive Science and Personality Development Publ.; 2008. (In Russ.).
4. Likhter PL. The influence of fiction on the formation of constitutional and legal institutions in the Russian Federation. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal [Leningrad Law Journal]*. 2016;3:60-68. (In Russ.).
5. Maximov SI. The concept of legal reality. In: Chestnov IL (ed.). Postclassic ontology of law: monograph. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2016. (In Russ.).
6. Neistat AA. Formation of legal consciousness and fiction in Soviet Russia in 1917–1929. Criminal law and criminal procedure aspect. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2000. (In Russ.).
7. Pashentsev DA. Legal Values in the Context of Digitalization. In: Legal Values in the Light of New Paradigms for the Development of Modern Civilization: A Collection of Scientific Works. Moscow: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).
8. Pesotsky VA. The maintenance and essence of fiction: experience of the philosophical analysis. *Bulletin of Moscow State Regional University*. 2010;2:88-107. (In Russ.).
9. Timofeeva AA. Russian fiction as a component of raising the professional legal culture of lawyers. *Baltic Humanitarian Journal*. 2018;7:3(24):311-313. (In Russ.).
10. Ulmer (Bayteeva) MV. Chapter 1. Ontology of the legal text. In: Tonkov EN, Chestnov IL (eds.). Paradigms of legal hermeneutics. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2017. (In Russ.).
11. Kharabet KV. Deviance and social and legal topics in the work and life of poets of the Silver Age (M. Tsvetaeva, S. Yesenin, V. Mayakovsky). *Rossiyskaya Yustitsiya*. 2020;1:40-44. (In Russ.).

12. Anderson B. *Imagined. Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Rev. ed. London, New York: Verso; 2006.
13. Bittar ECB. *Semiotics, Law & Art. Between Theory of Justice and Theory of Law*. Cham: Springer; 2021.
14. Hutson L (ed.). *The Oxford Handbook of English Law and Literature, 1500–1700*. Oxford: Oxford University Press; 2017.
15. Miller J. *The Structures of Law and Literature: Duty, Justice, and Evil in the Cultural Imagination*. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press; 2013.
16. Posner RA. *Law and Literature*. 3rd ed. Cambridge, London: Harvard University Press; 2009.
17. Ronner AD. *Dostoevsky and the Law*. Durham: Carolina Academic Press; 2015.
18. Smith C. *Who Wouldn't Want to Be a Person? Histories of the Present in Law and Literature*. In: Anker ES, Meyler B. (eds.) *New Directions in Law and Literature*. New York: Oxford University Press; 2017.